

Дениза Платтнер

**УГОЛОВНЫЕ САНКЦИИ
ЗА НАРУШЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО
ПРАВА, ПРИМЕНЯЕМОГО В СИТУАЦИИ
НЕМЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ**

Статья опубликована в «Revue internationale de la Croix Rouge», n° 755, septembre-octobre 1993, p. 449-455.

См. Rapport de la Commission de droit international à la quatrième session de l'Assemblée générale des Nations Unies, document A/44/10. Следует отметить, что в первом варианте проекта кодекса о военных преступлениях

1. Введение

Сейчас, когда возрастает число немеждународных вооруженных конфликтов, определенный интерес представляет вопрос имплементации международного гуманитарного права (МГП), применяемого в период таких конфликтов. Уголовные санкции в отношении некоторых нарушений международного гуманитарного права являются средством, предусмотренным этим правом для обеспечения его соблюдения в ситуациях международного вооруженного конфликта. Если они применяются с достаточным основанием и прежде всего с расчетом на предотвращение новых нарушений, такие санкции обладают несомненной эффективностью. Поэтому имеет смысл рассмотреть вопрос о том, следует ли поддерживать применение уголовных санкций в случае нарушений международного гуманитарного права, применяемого во время немеждународных вооруженных конфликтов, учитывая работу Комиссии по международному праву над проектом кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества¹.

Статья опубликована в «Revue internationale de la Croix-Rouge», n° 785, septembre—octobre 1990, pp. 443—455.

¹ См. Rapport de la Commission de droit international à la quarante-quatrième session de l'Assemblée générale des Nations Unies, document A/44/10. Следует отметить, что в первом варианте проекта положения о военных преступлениях,

Дать правильный ответ невозможно, не рассмотрев в целом механизм пресечения нарушений МГП, применяемого в ситуации международных вооруженных конфликтов, и не уяснив его юридического, теоретического и практического значения.

2. Уголовные санкции за нарушения международного гуманитарного права, применяемого в ситуации международных вооруженных конфликтов

В традиционном понимании международное право действует в области взаимоотношений между государствами. Санкции применяются исключительно в сфере международных отношений, согласно существующим правилам.

Международное гуманитарное право в этом плане представляет собой исключение, поскольку в случае некоторых нарушений оно предусматривает личную уголовную ответственность представителя государства. Так, в ситуации международного вооруженного конфликта неисполнение предъявляемых МГП требований к поведению влечет за собой ряд юридических последствий, предусмотренных международным правом, — они предназначены обеспечить осуждение виновного. Эти юридические последствия образуют почти безупречную систему уголовных санкций за некоторые нарушения международного гуманитарного права.

Необходимо сделать одно предварительное замечание: не все нарушения международного гуманитарного права влекут за собой международную уголовную ответственность. В Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительном протоколе I от 1977 г. перечисляются действия, которые, в соответствии с этими договорами, должны пресекаться в уголовном порядке. Они называются «серьезными нарушениями» и могут классифицироваться как военные преступления².

содержащемся в этом документе, рассматриваются лишь международные вооруженные конфликты, к которым отнесены конфликты по смыслу статьи 1, пункт 4, Дополнительного протокола I.

² См. статью 85, пункт 1, Дополнительного протокола I, которая относит серьезные нарушения к военным преступлениям.

При перечислении серьезных нарушений МГП приводится описание действий, которые влекут за собой международную уголовную ответственность. Таким образом, документы МГП, следуя уголовному праву, четко обозначают те действия, которые составляют военные преступления.

Согласно I, II, III и IV Женевским конвенциям (статьи 50, 51, 130 и 147, соответственно), серьезными нарушениями МГП являются следующие действия:

а) Нарушения, упоминаемые во всех четырех Женевских конвенциях:

- преднамеренное убийство;
- пытки;
- бесчеловечное обращение;
- биологические эксперименты;
- преднамеренное причинение тяжелых страданий;
- нанесение серьезного увечья или ущерба здоровью;
- разрушение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью (за исключением статьи 130 Конвенции III).

б) Нарушения, упоминаемые в III и IV Женевских конвенциях:

- принуждение военнопленного или гражданского лица, пользующегося защитой IV Женевской конвенции, служить в вооруженных силах неприятельской державы;
- лишение военнопленного или гражданского лица, пользующегося защитой IV Женевской конвенции, права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, предусмотренное III и IV Женевскими конвенциями.

в) Нарушения, упоминаемые только в IV Женевской конвенции:

- незаконное депортирование или перемещение;
- незаконное лишение свободы;
- взятие заложников.

Действия, перечисленные выше, являются серьезными нарушениями, только если они совершаются против тех, кто подпадает под юридическое определение лиц, на которых рас-

пространяется покровительство той или иной Женевской конвенции. Однако, чтобы иметь статус покровительствуемого лица, необходимо быть гражданином иного государства, если и не неприятельского, то, по крайней мере, иностранного. Об этом не следует забывать тем, кто стремится распространить на немеждународные конфликты систему МГП, применяемого в период международных вооруженных конфликтов.

В силу статьи 85 Дополнительного протокола I, участниками которого являются 148 государств³, серьезными нарушениями являются:

а) Следующие действия, совершаемые умышленно и являющиеся причиной смерти или серьезного телесного повреждения либо ущерба здоровью:

- превращение гражданского населения в объект нападения;
- совершение нападения неизбирательного характера или нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы, когда известно, что такое нападение нанесет чрезмерный ущерб гражданским объектам, не оправданный предполагаемым военным преимуществом;
- превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения;
- совершение нападения на лицо, о котором известно, что оно прекратило принимать участие в военных действиях;
- вероломное использование защитной эмблемы красного креста или красного полумесяца.

б) Следующие действия, совершаемые умышленно и в нарушение Конвенций или Протокола:

- перемещение оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию или депортация или перемещение всего или части населения оккупированной территории в пределах этой территории или за ее пределы;
- неоправданная задержка репатриации военнопленных или гражданских лиц;

³ По состоянию на 31 декабря 1997 г. — Прим. ред.

- практика апартеида и другие негуманные и унижающие достоинство действия, основанные на расовой дискриминации;
- превращение ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов и которым предоставляется особая защита, в объект нападения, в результате чего они подвергаются сильному разрушению.

в) Действия, представляющие собой серьезные нарушения Конвенций, когда они совершаются:

- против лиц, находящихся во власти противной стороны и пользующихся защитой статей 44, 45 и 73 Протокола;
- против раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, принадлежащих к стороне противника и пользующихся защитой Протокола;
- против медицинского или духовного персонала, медицинских формирований или санитарно-транспортных средств, находящихся под контролем стороны противника и пользующихся защитой Протокола.

В Женевских конвенциях и Дополнительном протоколе I перечисляются почти все военные преступления, упоминаемые в списках военных преступлений ранее принятых документов, в частности тех, на основании которых составлено Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси»⁴.

Международную уголовную ответственность невозможно представить без обязательства государств — участников соответствующих договоров МГП предавать своему суду лиц, совершивших действия, являющиеся серьезными нарушениями.

С этой целью Женевские конвенции устанавливают для

⁴ Yves Sandoz. Penal Aspects of International Humanitarian Law. — Cherif Bassiouni (ed.). International Criminal Law, vol. 1, Crimes. New York, 1986, pp. 209—232, p.225 et ss.

государств конкретное обязательство «ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний» (49, 50, 129 и 146 статьи I, II, III и IV Женевских конвенций соответственно). Таким образом, юридическая норма устанавливается достаточно полно путем обозначения преступного деяния — при этом соблюдается принцип *nullum crimen sine lege*⁵, — а определение наказаний осуществляется самими государствами, которые руководствуются своей внутренней законодательной системой. Однако эти полномочия должны быть непременно использованы, чтобы механизм международной уголовной ответственности был полностью приведен в действие.

Если установление наказаний является обязательством, которое государства должны выполнять, как только они становятся участниками соответствующих договоров, то меры по пресечению военного преступления следует принимать сразу же после его совершения. Государства обязаны, в частности, предоставлять друг другу любые сведения, необходимые для привлечения к ответственности лиц, виновных в серьезных нарушениях, оказывать друг другу юридическую помощь, удовлетворять требования о выдаче или, если они не могут выдавать виновных в совершении серьезных нарушений в силу внутреннего законодательства, предавать их своему суду.

Международное гуманитарное право обладает в этом отношении двумя общеизвестными особенностями. С одной стороны, оно создает всеобщую юрисдикцию, ибо государство, на территории которого находится иностранец, совершивший за границей военное преступление против иностранца, правомочно в соответствии с положениями МГП преследовать виновного. С другой стороны, осуществление права преследовать и судить является обязательным, поскольку Конвенции предусматривают, что «каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняе-

⁵ Нет преступления без закона (*лат.*).

мых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений и, каково бы ни было их гражданство, *предавать* их своему суду» (49, 50, 129 и 146 статьи I, II, III и IV Женевских конвенций, соответственно; выделено автором).

Однако если юрисдикция является всеобщей, наказание принадлежит к сфере внутригосударственного права. Следовательно, международный характер обнаруживается прежде всего в нормативном плане.

В соответствии с Женевскими конвенциями, лица, обвиняемые в серьезных нарушениях, «будут пользоваться гарантиями надлежащей судебной процедуры и правом на защиту, которые не должны быть менее благоприятными, чем те, которые предусмотрены в статье 105 и последующих статьях Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными» (146 статья IV Женевской конвенции, см. также 50, 51 и 130 статьи I, II и III Женевских конвенций, соответственно). Эта защита распространяется на всякое лицо, которому предъявляется обвинение, каким бы ни был его статус и в какое бы время ни рассматривалось его дело в суде⁶. Она показывает, если в этом есть необходимость, степень разработанности и автономности механизма, учрежденного в соответствии с международным гуманитарным правом для наказания военных преступников.

3. Уголовные санкции в отношении нарушений международного гуманитарного права, применяемого во время немеждународных вооруженных конфликтов

Положения международного гуманитарного права, применяемого во время немеждународных вооруженных конфликтов, содержатся в статье 3, общей для всех четырех Женевских

⁶ Commentaire publié sous la direction de Jean S. Pictet, IV, La Convention de Genève relative à la protection des personnes civiles en temps de guerre. Genève, CICR, 1956, p. 637.

ких конвенций, и в Дополнительном протоколе II, участниками которого являются 140 государств⁷.

Дополнительный протокол II состоит всего из 28 статей, причем 10 из них составляют заключительные положения. Таким образом, количество норм, относящихся к этой категории конфликтов, невелико. Однако они близки к основным нормам МГП, применяемым к международным вооруженным конфликтам. Различия, такие, например, как отсутствие статуса военнопленного, который предоставлял бы иммунитет лицам, выступающим с оружием в руках против законного правительства, объясняются иногда фактическими, а иногда юридическими характеристиками немеждународных вооруженных конфликтов.

Положения, применяемые конкретно к немеждународным вооруженным конфликтам, не содержат никаких обязательств по имплементации МГП, кроме обязательства, закрепленного статьей 19 Протокола II, распространять знания о нем.

МГП, применяемое в случае немеждународных вооруженных конфликтов, не располагает, таким образом, механизмами, устанавливающими международную уголовную ответственность для лиц, виновных в нарушениях. Взглянув на рассмотрение преимуществ, а также трудностей организации международного уголовного преследования за нарушения МГП в немеждународных конфликтах, мы оказываемся в области *lex ferenda*.

Однако в своих рассуждениях мы вынуждены считаться с теми ограничениями, которые накладывает действующее позитивное право, а именно, международное гуманитарное право, применимое к международным вооруженным конфликтам.

Проект создания международного судебного органа, связанный с проектом создания кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, имеет некоторые аспекты, не вписывающиеся в рамки одного лишь международно-

⁷ По состоянию на 31 декабря 1997 г. — Прим. ред.

го гуманитарного права. Вопрос, кроме того, имеет отношение ко всему МГП, в то время как мы решили сосредоточиться на нормах МГП, применяемых в ситуациях немеждународных вооруженных конфликтов.

Придание положениям МГП, применяемого во время немеждународных вооруженных конфликтов, характера норм, за нарушение которых предусматривается, в соответствии с международным правом, уголовное наказание, несомненно, способствовало бы более строгому соблюдению этой части МГП, которая иногда все еще выглядит бедным родственником права вооруженного конфликта. Установление международной уголовной ответственности для лиц, виновных в нарушении норм, применимых к внутренним вооруженным конфликтам, могло бы иметь эффект сдерживания, а также стимулировать принятие всех прочих мер, способствующих соблюдению МГП.

Но нельзя оставить без внимания и те возражения, которые были бы выдвинуты против этого предложения.

Договоры в области МГП содержат две категории норм, различие между которыми можно провести по временному принципу. Первые применяются с того момента, когда договор МГП вступает в силу в соответствующем государстве (согласно статье 23, пункт 2, Дополнительного протокола II, через шесть месяцев после сдачи на хранение депозитарию ратификационной грамоты или документа о присоединении). Речь идет о нормах, требующих, чтобы государство уже в мирное время предприняло шаги для обеспечения соблюдения МГП во время вооруженного конфликта. Другие же нормы предписывают определенное поведение во время уже начавшегося вооруженного конфликта. В отличие от первых они являются основными нормами.

Как мы видели в предыдущем разделе, международное уголовное преследование за военные преступления предусматривается целым рядом обязательств, возлагаемых на государства-участники. Те из них, что связаны с принятием надлежащего уголовного законодательства, выполняются, как только

договор вступит в силу. Те же, которые относятся к мерам пресечения, должны соблюдаться всеми государствами, как участвующими, так и не участвующими в конфликте, как только военное преступление будет совершено.

Что касается МГП, применяемого в ситуации немеждународных вооруженных конфликтов, меры превентивного характера должны приниматься государством — участником соответствующих договоров, то есть государственными органами. Проблема возникает после начала немеждународного вооруженного конфликта, и связана она с пресечением нарушений МГП. Трудно представить, что МГП предоставляет повстанцам полномочия преследовать и судить лиц, виновных в нарушениях. Однако облекать такими полномочиями исключительно существующее правительство означало бы создать почву для злоупотреблений. Эту проблему можно решить, например, допуская уголовное преследование только после окончания военных действий. Это создало бы очевидные преимущества в том, что касается соблюдения основных судебных гарантий и требования независимого и беспристрастного суда, которое выдвигается самим МГП. Впрочем, МККК уже в ходе разработки Женевских конвенций 1949 г.⁸ высказывал пожелание, чтобы военных преступников осуждали *после* окончания военных действий.

Отсрочка в реализации индивидуальной международной ответственности до окончания военных действий развеяла бы, кроме того, опасения, что подобная ответственность предполагает признание международной правосубъектности повстанцев. Конечно, это опасение беспочвенно. С одной стороны, международная уголовная ответственность предусматривает наказания не только за действия, совершенные государственными органами, но и за преступные деяния отдельных лиц. С другой стороны, как разъясняет доктрина, действие МГП, применяемого во время немеждународных вооружен-

⁸ Commentaire publié sous la direction de Jean S. Pictet, III, La Convention de Genève relative au traitement des prisonniers de guerre. Genève, CICR, 1958, p. 660.

ных конфликтов, распространяется на повстанцев не как на «сторону», а просто как на частных лиц⁹. Следовательно, личная международная ответственность за нарушения МГП, применяемого в период немеждународных вооруженных конфликтов, не обязательно подразумевает ответственность повстанческой «стороны». Вместе с тем высказывалось мнение, что ответственность государства также может рассматриваться в данном контексте, даже если повстанческое правительство не сменило старое правительство, если либо ранее, либо позднее государство проявило небрежность относительно предупреждения или пресечения противоправных действий¹⁰. Таким образом, следует полагать, что государство отвечает за нарушения МГП, применяемого в период немеждународных вооруженных конфликтов, поскольку оно не приняло меры для предупреждения или пресечения данного нарушения, что вполне соответствует нашим логическим построениям.

Еще одна трудность возникает по той причине, что лица, выступающие с оружием в руках против законного правительства, подпадают под действие правовых норм об уголовных преступлениях. Если обязательство судить виновных в нарушении МГП начнет действовать лишь по окончании конфликта, повстанец, не соблюдавший МГП, окажется в лучшем положении, чем повстанец, который подвергается судебному преследованию за одно лишь то, что воевал против законного правительства. Это несоответствие настолько поразительно, что возникает вопрос — совместимо ли создание системы международных уголов-

⁹ См. *Commentaire des Protocoles additionnels du 8 juin 1977 aux Conventions de Genève du 12 août 1949*, éd. par Yves Sandoz, Christophe Swinarski et Bruno Zimmermann. Genève, CICR, 1986, p. 1369, para. 4444; *Georges Abi-Saab. Les conflits de caractère non international. — Les dimensions internationales du droit humanitaire*. Paris, UNESCO, 1986, pp. 251—277, ad. p.269.

¹⁰ См. в связи с этим мнение, высказанное г-ном Роберто Аго, специальным докладчиком, в докладе об ответственности государств: *Annuaire de la Commission de droit international*, 1972, vol. II, p.142, para. 156.

ных санкций с ныне существующим правовым положением захваченных повстанцев? Однако данное соображение приобретает несколько иную окраску, если рассмотреть его в свете практики правительств в ситуациях внутреннего вооруженного конфликта. Как показывает опыт, правительства в большинстве случаев не передают повстанцев суду, а интернируют их¹¹, и вооруженный конфликт заканчивается национальным примирением, составной частью которого является амнистия для тех, кто принимал участие в военных действиях.

Добиваясь возбуждения уголовного преследования лишь после окончания немеждународного вооруженного конфликта, МГП позволило бы избежать такого положения, при котором подобное преследование осуществляется исключительно в отношении лиц, принадлежащих к лагерю противника. Однако сохранилась бы опасность, что по окончании военных действий суду будут преданы только представители стороны, потерпевшей поражение. Откровенно говоря, такая опасность существует при любом механизме, устанавливающем международную уголовную ответственность за деяния, совершенные во время вооруженного конфликта, если уголовное преследование осуществляется государственными органами. Именно она служит основанием для главных критических замечаний в адрес системы, устанавливаемой Женевскими конвенциями для международных вооруженных конфликтов, которую иногда обвиняют в том, что она ставит в привилегированное положение правосудие победителя. Если данное утверждение нельзя сбрасывать со счетов, то не следует забывать, что при этом нет иного решения проблемы, кроме как упразднение международной уголовной ответственности за нарушение международного гуманитарного права.

МГП, применяемое во время международных вооруженных конфликтов, создает, как мы видели в предыдущей главе,

¹¹ См. *Michel Veuthey. Guérilla et droit humanitaire. Genève, 1983, p. 217.*

всеобщую юрисдикцию в отношении пресечения военных преступлений. В том, что касается немеждународного вооруженного конфликта, государства, не принимающие участия в конфликте, будут, по всей вероятности, не склонны осуществлять ее, опасаясь упреков во вмешательстве во внутренние дела государства, охваченного конфликтом, хотя соблюдение МГП никогда не может являться враждебным действием по отношению к другому государству. Необходимо напомнить, что государство, не участвующее в конфликте, должно преследовать в судебном порядке как повстанцев, так и лиц из состава правительственных вооруженных сил.

Всеобщая юрисдикция, которая вступает в силу лишь по окончании вооруженного конфликта, представляется в связи с этим более приемлемой. Гораздо вероятнее и то, что такая юрисдикция будет осуществляться на практике. Возможно, для некоторых государств, не участвующих в конфликте, возникнет соблазн преследовать исключительно бывших повстанцев или, наоборот, членов правительственных вооруженных сил. Но такая опасность существует и при международных вооруженных конфликтах, когда государства могут более ревностно преследовать военных преступников, принадлежащих лишь к одной стороне, скорее всего, к той, что потерпела поражение.

Возникает вопрос, должна ли международная уголовная ответственность обязательно подразумевать всеобщую юрисдикцию в том, что касается санкций. С большой степенью уверенности можно сказать, что ответ должен быть положительным¹². Он дается с учетом как политических, так и юридических факторов. В отсутствие обязательства *aut dedere aut judicare* (либо выдать, либо судить)¹³, выражающего эту все-

¹² Chérif Bassiouni. Characteristics of International Criminal Law Conventions. — International Criminal Law, vol. I, Crimes, *op. cit.*, pp. 1–13, p.7.

¹³ См. об этом: Kamen Sachariw. Les droits des Etats en matière de mise en œuvre du droit international humanitaire. — «Revue internationale de la Croix-Rouge», n° 777, mai–juin 1989, pp. 187–207, ad. p. 200.

общую юрисдикцию, тот факт, что предполагаемый виновник нарушения находится вне пределов государства, полномочного преследовать его в силу принципа территориальности, стал бы помехой для реализации международной уголовной ответственности. Кроме того, всеобщая юрисдикция свидетельствует о том, что в основе заинтересованности государства в пресечении нарушений лежит международное, а не внутреннее право¹⁴.

Как было показано, Женевские конвенции предоставляют процедурные гарантии лицам, обвиняемым в грубых нарушениях МГП, применяемого во время международных вооруженных конфликтов. Подобную защиту следует предусмотреть и для лиц, привлекаемых к ответственности за нарушения, допущенные во время внутреннего вооруженного конфликта. По логике вещей это должны быть процедурные гарантии, специально предусмотренные для немеждународных вооруженных конфликтов, а не гарантии, предусмотренные III Женевской конвенцией. При этом юридическая защита лиц, преследуемых за нарушения во время немеждународного вооруженного конфликта, не должна отличаться от защиты, предоставляемой, согласно МГП, лицам, привлекаемым к ответственности за деяния, совершенные в ходе международного вооруженного конфликта.

МГП, применяемое во время международных вооруженных конфликтов, проводит различие между нарушениями, которые квалифицируются как серьезные и являются основанием для возникновения международной уголовной ответственности, и прочими нарушениями МГП. Такой режим можно было бы установить и в отношении международного уголовного преследования за нарушение норм

¹⁴ Международный суд в своем решении по делу «О действиях военных и полувоенных формирований на территории Никарагуа и вблизи ее границ» от 27 июля 1986 г. (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки) счел, что обязательства, устанавливаемые статьей 1, распространяются и на поведение в ситуации немеждународного вооруженного конфликта (см. *Recueil des Arrêtés. Avis consultatifs et Ordonnances*, 1986, p. 129, para. 255).

МГП, применяемых в период немеждународных вооруженных конфликтов.

При определении списка нарушений, создающих основания для международного уголовного преследования, нужно исходить из перечня серьезных нарушений норм МГП, применяемых во время международных вооруженных конфликтов. В этот список должны быть включены, разумеется, только нарушения МГП, применяемого во время немеждународных вооруженных конфликтов. Правда, очевидно, что в него могут быть внесены почти все нарушения, перечисленные во всех четырех Женевских конвенциях. Когда деяние признается преступным, во внимание принимаются только материальные составляющие серьезных нарушений МГП, применяемого во время международных вооруженных конфликтов, но элементы, определяющие во всех четырех Женевских конвенциях статус покровительствуемых лиц, должны быть исключены.

4. Перспективы и заключение

Правила, устанавливающие личную международную ответственность за нарушения МГП, применяемого в период немеждународных вооруженных конфликтов, еще предстоит создать. В настоящее время неприменение уголовного наказания к лицу, нарушившему норму права, не является действием, прямо нарушающим международное право. Различные обязанности, проистекающие из содержащегося в статье 1, общей для четырех Женевских конвенций¹⁵, обязательства соблюдать и заставлять соблюдать МГП, могут, однако, способствовать появлению такой нормы. Эти обязанности включают общее обязательство принимать на национальном уровне меры, направленные на то, чтобы способствовать соблюдению МГП во время вооруженного конфликта, и вы-

¹⁵ Yves Sandoz. *Mise en œuvre du droit international humanitaire. — Les dimensions internationales du droit humanitaire.* UNESCO, 1986, pp. 299—326, ad pp. 302—303.

полнение конкретных действий, перечисленных в МГП, применяемом в период вооруженных конфликтов международного характера¹⁶.

МГП, применяемое во время немеждународных вооруженных конфликтов, предусматривает в прямой форме только обязательство распространять знание и информацию о праве (статья 19 Протокола II). Однако это не может служить основанием для утверждения, что государства не обязаны включать в свое законодательство «законы и обычаи войны», как их традиционно называют, а также санкции за нарушение этих законов и обычаев. Кроме того, трудно представить, чтобы за деяния, имеющие одинаковые материальные составляющие, предусматривались различные наказания, в зависимости от того, является ли конфликт международным или нет. Международные обязательства государств в области международного уголовного преследования за наиболее серьезные нарушения международного права прав человека¹⁷ также могут способствовать применению санкций за нарушения МГП, поскольку эти две отрасли международного права объявляют преступными одни и те же виды поведения.

Конечно, механизм международного уголовного преследования устанавливает личную ответственность, которая истекает не из внутригосударственного, а из международного права. Но не следует забывать о цели преследования. При обеспечении соблюдения МГП в первую очередь важно его сдерживающее, то есть предупредительное воздействие. В этой области деятельность государственных властей, как законодательных, так и административных, приобретает важнейшее значение.

Чтобы не стать «мертвой буквой» и не послужить причиной правонарушений, установление личной международной

¹⁶ Перечисление этих обязанностей см., в частности: *Yves Sandoz, op. cit.*, (примечание 15).

¹⁷ С этой точки зрения, особый интерес представляет Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания от 10 декабря 1984 г.

ответственности за нарушение норм МГП, применяемых к немеждународным вооруженным конфликтам, должно сопровождаться разработкой внутригосударственных мер по имплементации МГП. Тогда взаимовлияние международного права и внутригосударственного правопорядка будет способствовать совершенствованию механизмов, призванных обеспечить соблюдение МГП во время вооруженного конфликта, и повышению действенности его норм.

ПРЕпятствия ЮРИДИЧЕСКОГО
ХАРАКТЕРА К СУДЕБНОМУ
ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ЗА НАРУШЕНИЯ
ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА